

Учитель вёл урок у доски, а Лу Юси внизу украдкой ущипнул Гу Чэнъяня за руку, стараясь передать: хватит, прекрати. Но Чэнъянь, кажется, и не чувствовал боли, а лишь улыбнулся и перехватил его руку, укрыв в своей ладони.

Сначала Юси попытался вырваться, но, видя, что тот не отпускает, смирился и позволил ему держать свою руку. Вот только он был правой, и с захваченной правой рукой ничего делать не мог. В конце концов он сдался, положил голову на согнутую руку и лёг на парту, повернувшись лицом к соседу, который, слушая учителя, делал записи одной рукой.

С этого ракурса ему были видны выступающий из-под воротника кадык, чёткая линия челюсти, изогнутые уголки губ, прямой нос и тёмные, глубокие глаза, устремлённые к доске. Он видел, как тот время от времени поворачивается и смотрит на него с улыбкой. Юси подумал, что, наверное, та самая прекрасная школьная жизнь, о которой пишут в книгах, и есть нечто подобное.

Если бы время могло остановиться в этот миг — было бы здорово.

Глядя так, его стала одолевать дремота — давали о себе знать последствия вчерашнего перебора. Он слегка дёрнул руку Чэнъяня. Тот повернулся, и Юси беззвучно сказал: «Сплю». Лишь тогда он медленно закрыл глаза.

Зимнее солнце, казалось, совсем не грело, но Юси чувствовал, будто его всего заливают приятное тепло.

Когда он открыл глаза, урок уже кончился, а соседняя парта была пуста. Он резко сел, услышав шорох, и понял, что тепло исходило от накинутой на него куртки. Он тут же поднял её с пола, отряхнул и обернулся к Чжан Вэньсюю:

— А Чэнъянь где?

— Вышел позвонить, — не отрываясь от телефона, ответил Вэньсюй, а потом спросил:

— Юси, пойдём что-нибудь купим?

Обычно Юси, даже если сам ничего не брал, всё равно ходил с ним в лавку, но сегодня, держа в руках куртку, он лишь бросил: «Не пойду», — и вышел из класса.

В коридоре во время большой перемены было полно народу. Он обошёл весь этаж, но нигде не нашёл Чэнъяня, поэтому спустился по лестнице. Он припомнил, что несколько раз видел, как тот курит у велопарковки, и направился туда без лишних раздумий.

На месте он действительно увидел, как Чэнъянь небрежно развалился на багажнике одного из велосипедов, вытянув длинные ноги, с сигаретой в одной руке и телефоном в другой.

Тот, кто был на другом конце провода, видимо, был ему очень близок, потому что, разговаривая, Чэнъянь не сводил улыбки с лица.

Их взгляды встретились, и Чэнъянь, с искоркой в глазах, поманил его к себе.

Подойдя ближе, Юси услышал, как Чэнъянь говорит в трубку нежным, полным любви тоном:

— Да, на Новый год приеду повидать тебя, ладно?

— Знаю, знаю, куплю всё, что захочешь, договорились? — продолжал он.

Так прошло несколько минут. Закончив разговор, он потянул к себе стоявшего рядом и всё это время молчавшего Юси.

Юси в общих чертах догадался, что на том конце был ребёнок, и, прищурившись, сказал:

— Ну да, не прошло и пары дней, а ты уж на стороне маленького завёл.

Чэнъань, затаившись, не выдержал, обхватил его за талию, положил голову на плечо и затрясся от смеха.

— Как-нибудь познакомлю тебя с этим «маленьким», уж точно понравится, — сказал он.

— Цыц, — сделал вид, что не верит ему, Юси, тоже смеясь, оттолкнул его и перешёл на более серьёзный тон:

— Ты на Новый год к родителям едешь?

Чэнъань потушил сигарету, притянул его к себе и чмокнул в губы, а потом, возвращаясь обратно, чистосердечно признался:

— Ага, мама только что звонила насчёт этого, билеты хочет купить.

Он поправил чёлку Юси и спросил:

— А ты как?

Юси подумал и, поджав губы, ответил:

— Пока не знаю, но до праздника ещё месяц, как-нибудь разберусь.

Наверное, они были настолько поглощены друг другом, что совершенно не заметили, как в другом углу велопарковки курящий человек, ухмыляясь, говорил в телефон:

— Ну как, ничего так?

Сказав это, он снова поднял телефон и навёл камеру на их фигуры.

В календаре было написано, что Новый год в этом году выпадает на январь.

— Эх, почему Новый год так рано? — едва вернувшись после Нового года, Чжан Вэньсюй не переставал вздыхать, сидя за партой.

Прислонившись к стене и сидя боком, Лу Юси посмеивался:

— Ты чего это? Праздники — это разве плохо?

— Эх, — Вэньсюй подпер голову рукой, — Не то чтобы плохо... просто перед праздниками ещё экзамены. Да и потом, после праздников Цюцю уедет домой, и я её несколько дней не увижу.

Услышав это, Юси невольно взглянул на сидевшего рядом и уткнувшегося в телефон Гу Чэнъаня, но тут же отвернулся:

— Денег у тебя хватает, съезди к ней в гости.

— Тоже верно, — Вэньсюй согласно кивнул, но потом вдруг спохватился:

— Но это же ранние отношения. Не рановато ли с родителями знакомиться?

Какой редкостный момент — он всё-таки осознавал, что это ранние отношения.

Тут вмешался до этого молчавший Гу Чэнъань. Он повернулся и сказал:

— Ничего страшного. Максимум — ногу отхватишь.

Вэньсюй: «...» Нельзя ли поменьше пугать?

Юси: «...» У вас в семье такие суровые нравы?

Хотя, если подумать, какая разница, ранние у них отношения или нет, — к родителям с таким делом всё равно лучше не соваться. У него, Юси, родителей и так нет, ему бояться нечего, а вот у Чэнъаня, судя по всему, строгое воспитание, так что лишиться ноги — вполне реальная перспектива.

На уроке они снова затеяли возню под партой. С Юси, у которого был персональный конспектёр, можно было не беспокоиться: он разлэгся на парте, слушая учителя ушами. Но вскоре мысли его уплыли невесть куда.

Он легонько пнул ногой ножку парты Чэнъаня.

Тот тут же посмотрел на него и беззвучно спросил: «Что?»

Юси подумал, ничего не сказал, а вместо этого вытащил клочок бумаги, что-то нацарапал и передал.

Закончив строчку в конспекте, Чэнъань заметил на краю парты записку: «Значит, будешь теперь калекой до конца жизни?»

«О чём он только думает», — тихо усмехнувшись, Чэнъань быстро написал ответ и сунул обратно.

Юси тут же развернул бумажку. Там было написано: «Не бойся, все ноги целы и будут при тебе».

Уши у него мгновенно покраснели наполовину.

С тех пор как они сошлись, у Гу Чэнъаня будто бы открылось второе дыхание — он то и дело норовил завернуть разговор в эротическое русло.

Даже на прошлых выходных, когда они только признались друг другу, Чэнъань вёл себя как назойливый щенок: всё время норовил прижаться, потереться, от шеи до подколенных ямок — ни один уголок не оставался без внимания.

Юси от всего этого стал на порядок чувствительнее.

Он размышлял об этом, и на губах у него играла улыбка.

Сидящий рядом Чэнъань краем глаза заметил его выражение, поднял руку и взъерошил ему волосы. — Чему ухмыляешься? — тихонько фыркнул он.

Юси покосился на него и, не теряя улыбки, так же тихо ответил:

— Думаю, как ты будешь полжизни парализованный.

Тот не обиделся, а лишь провёл рукой по талии соседа, придвинулся ближе и, притворно скрипя зубами, прошептал на ухо:

— Вечером разберусь с тобой.

Ишь ты, какой удалец.

Но Чэнъань и вправду считал себя таковым. После уроков, вернувшись домой, едва переступив порог, он схватил Юси за запястья и прижал к двери.

Чэнъань упёрся ногой между его ног и, не сбавляя силы, приник к его губам. Кончики зубов скользнули по мягкой плоти, заставив того вскрикнуть от лёгкой боли и приоткрыть рот. Он принялся сосать его нежный язык, заставляя того слегка запрокинуть голову, чтобы слиться в поцелуе.

<http://bllate.org/book/16262/1463525>